

Н. Н. Щербакова
(Омский государственный педагогический университет
г. Омск, Россия)

УДК 821.161.1(091):811.161.1'42
ББК Ш33(2Рос=Рус)4

КОНСТРУКТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ТЕКСТАХ XVIII ВЕКА

Аннотация. В статье анализируются примеры языковой игры в текстах русской художественной литературы XVIII в. На большом фактическом материале, извлеченном из различных по жанрам произведений – комедий, сатирической поэзии, сатирической журналистики, автор рассматривает специфику конструктивных принципов языковой игры в лингвокреативной практике указанного столетия. В качестве исходного теоретического положения избрана типология конструктивных принципов языковой игры, разработанная Т. А. Гридиной на материале современного русского языка, и показана возможность использования данной теории в практике анализа языкового материала другой исторической эпохи. Русский язык XVIII в. обычно характеризуют как время сложения общенациональных норм, формирование и развитие русского языка нового типа. Как убедительно свидетельствует материал использованных для анализа текстов, эти слова в полной мере могут быть отнесены и к развитию лингвокреативной деятельности носителей русского языка. Сатирические тексты XVIII века показывают использование практически всех конструктивных принципов языковой игры, хотя есть и специфика: так, наиболее распространёнными оказались «имитация» и «ассоциативная выводимость», а распространённые в современном русском языке гибридные слова в исследованном материале отсутствуют.

Ключевые слова: языковая игра, русский язык XVIII в., русская литература XVIII в., ассоциативный потенциал слова, лингвистика креатива, пародирование, каламбур.

Интерес к феномену языковой игры заметно возрос в последние несколько десятилетий, что обусловлено очевидным интересом носителей современного русского языка к лингвокреативным практикам. Исследования богатого и разнообразного материала позволили уточнить направления дальнейшего изучения этого явления, которые, например, отражены в трёх томах

коллективной монографии «Лингвистика креатива» [ЛК-1 2009 – 2013 (1-е и 2-е изд.); ЛК-2 2012; ЛК-3 2014]. Одним из направлений исследования языковой игры является обращение к её эволюции в связи с историей русского языка. Историки языка обращают внимание на то, что «именно в XX столетии языковая игра стала принципиально необходима каждой лингвокреативно настроенной языковой личности» [Рут, Иванова 2009: 78]. Что касается более удалённого от нашего времени языкового материала, то он, безусловно, также может стать актуальным полем исследования языковой игры с позиций диахронического подхода, поскольку позволит увидеть основные направления эволюции данного феномена.

Для анализа были избраны произведения XVIII в., которые предполагают использование игровых элементов: комедии, сатирическая поэзия, сатирическая журналистика, а основную цель статьи можно сформулировать как выявление конструктивных принципов языковой игры, доминирующих в указанных произведениях. При анализе материала мы опирались на понятие конструктивного принципа языковой игры, а также типологию принципов, которая детально описана Т. А. Гридиной [Гридина 1996]⁴².

XVIII век – это период создания единого литературного языка, время горячих споров о том, каким должен быть этот язык, а это, конечно, заставляло мыслящую и образованную часть российского общества обратить внимание на европейские языки, прежде всего французский. Представляется справедливым замечание о том, что активное использование французского языка, в котором «каламбурность уже в XVII в. была возведена в ранг обязательного элемента куртуазного поведения» [Рут, Иванова 2009: 79], содействовала развитию внимания к языковой игре на национальной почве, тем более что «база языковой игры – ассоциативный потенциал слова» [Гридина 1996; Гридина 2006: 11-

⁴² В основе данного понятие лежит представление о языковой игре как «о форме лингвокреативного мышления, основанного на ассоциативных механизмах переключения стереотипов, что позволяет говорящему **конструировать** при помощи специальных лингвистических приемов нестандартный контекст восприятия вербальных знаков» (см. [Гридина 1996]).

24] – является такой языковой универсалией, которая существует всегда, на любом этапе развития языка.

В проанализированных текстах наиболее частотным конструктивным принципом оказалась имитация с целью юмористического пародирования, причём две трети всех обнаруженных примеров – это пародирование речи иностранцев:

Вральман. Теперь-то я фижу! Умарит хатят репенка! Матушка ты мая! Сисься нат сфаей утроной. Катора тефять месесоф таскала. – так сказать, асмое тифа ф сфете. Тай фолю этим проклятым слатям. Ис такой калафы толго ль палфан? Уш диспозицион, уш фсё есть (Д. Фонвизин. Недоросль);

Лафлер. Ну ешио штук сыграть, и Monsiuer Лафлер может доволен битть, фортуна сделан, деньги есть. Давиша мосье приказал мне мамзель Флен превенировать о его любви, хотел дать письмо, раздумал: n'importe. Благ мене открылся, я интриг заведу, а барыш достапу, поеду à Paris и буду смеяться на эта famille. Теперь нада выиграл, мамзель Машенька, нада искусна поступка (Е. Дашкова. Тоисиоков).

Интересно то, что речевое поведение комических героев, чьи реплики приведены здесь в качестве примера, разительно отличаются: Вральман не употребляет ни единого слова на родном для него немецком языке, в его репликах изредка встречаются галлицизмы, произношение которых столь же далеко от идеала, как и его речь на русском языке, а потому они передаются при помощи кириллицы, как слово *диспозицион* (предрасположение) в указанной выше реплике. Что же касается реплики француза Лафлера, то в ней явно отражено «смешение французского с нижегородским», причём в ряде случаев на уровне родного для него языка: так он произносит *Monsiuer*, но *мамзель*. Самое же любопытное заключается в том, что свою реплику этот персонаж произносит в полном одиночестве, т. е. в ситуации, которая располагает к использованию исключительно родного языка, причём для зрительской и читательской аудитории XVIII столетия это не стало бы затрудняющим понимание фактором. Понятно, что этот момент был проигнорирован Е. Р. Дашковой с целью создания целостного восприятия отрицательного героя комедии, а также негативного авторского отношения к его неблагоприятным намерениям.

Обе приведённые реплики обладают также одинаковым подходом к передаче специфики звучащей речи: так, в пьесе Д. И. Фонвизина практически представлена полутранскрипция, дающая представление не только о фонетическом акценте иноземцев, но и, например, об аканье, отраженном в произносительных вариантах *катора*, *умарит*, *калафы* и пр. Орфографический облик слов в реплике Лафлера в основном сохранён, хотя аканье отражено и здесь: *нада, искусна*.

Имитационное пародирование отражено в текстах комедий и как характеристика недостаточно образованных дворян, употреблявших в речи просторечные и простонародные словоформы. Так, анализируя изменения в разговорном языке дворянского общества конца XVIII столетия на основе мемуарной литературы, Н. Д. Чечулин заметил: «У очень многих тогда в ходу были разные особенные поговорки, часто ничего не значущие, иногда даже непристойные, от которых рассказчик не умел, однако, удержаться даже в чужом доме, и речь некоторых была по привычке настолько вольна, что стесняла женщин <...> тогда мало где умели правильно говорить и правильно мыслить» [Чечулин 1889: 33 – 34]. Неумение говорить получило отражение в комедии А. Копьева «Что наше, тово нам и не нада», которая последовательно отражает не только лексико-грамматическую, но и фонетическую сторону речи, например:

Повесин. <...> я праигрался да последней капейки, и когда перестали мне верить, так я и перестал матать. Дядюшка мой столько на меня азлил, шта не хател умереть, пакуда не пабывал я в армии и не вздумал а смерти ево жалеть; тут та он не к стате и сканчался, оставил мне две тысячи душ, которые, надеюсь, да первой игры ища уцелеют.

Автором данной комедии имитируются и дефекты речи, например, проблемы произношения свистящих и шипящих согласных, что, по-видимому, должно было усиливать комический эффект:

Княгиня. Мавруся! Пади сюды! <...> Мавруся!.. Дуся мая! Зись мая! паслурай! Зделай милось, атдай эта письмо Прицюдину, как он приедет, да съкази ему, съто езели он застрелитца, так эта будет оцень глупа, я на нево осерзуюсь и век с ним гаварить не буду.

Вторым по распространённости конструктивным принципом языковой игры в проанализированных текстах является *ассоциативная выводимость*⁴³. Это принцип, например, активно используется во «Всеобщей придворной грамматике» Д. И. Фонвизина, как, например, в процессе толкования термина *гласные*:

Вопрос. Какие люди обыкновенно составляют двор?

Ответ. Гласные и безгласные.

Вопрос. Что разумеешь ты чрез гласных?

Ответ. Чрез гласных разумею тех сильных вельмож, кои по большей части самым простым звуком, через одно отверзтие рта производят уже в безгласных то действие, какое им угодно. Например: если большой барин при докладе ему о каком-нибудь деле нахмурясь скажет: о! – того дела вечно сделать не посмеют, разве как-нибудь перетолкуют ему об оном..., и он, получа о деле другие мысли, скажет тоном, изъявляющим свою ошибку: а! – тогда дело обыкновенно в тот же час и решено.

Реализацию данного конструктивного принципа обнаруживаем в тексте Н. И. Новикова «Автор к самому себе», опубликованном в журнале «Живописец», где литературная традиция столетия – давать героям «говорящие» имена и фамилии – обретает дополнительные характеристики в связи с предлагаемой сатирической типологией авторов и критиков, например:

Взгляни на сего дерзкого Кривотолка: он безо всякия пощады порицает сочинения всех славных писателей, показывая тем остроту своего разума: он хорошие сочинения других обращает в худые, а свои негодныеставляет равными наилучшим сочинениям славных писателей <...> Какая же причина сему Кривотолкову заблуждению? Зависть, – бедный автор!

Используется при создании игровых элементов и такой конструктивный принцип, как ассоциативная интеграция, прежде всего это касается новообразований на базе русского и французского языков, как, например, глагол *превенировать* в приведён-

⁴³ В понимании Т. А. Гридиной, ассоциативная выводимость – это «обусловленность значения игрового слова заданными мотивационными проекциями его восприятия» [Гридина 1996].

ной выше реплике Лафлера. Данное слово создано на базе объединения французского глагола *prévenir* (предупреждать) и типовой модели русского глагола в инфинитиве. Для носителя современного русского языка наличие в этом случае языковой игры, скорее всего, представляется сомнительным. Однако для образованного зрителя (или читателя) XVIII века, владевшего французским языком, такое соединение явно было невообразимым, а потому воспринималось именно как гибридное образование. Косвенным подтверждением этого предположения являются многие факты современного литературного языка, например, написания типа *шампильон*, *котильон*, *бульон* через букву «о», а также наличие в русском языке несклоняемых существительных вроде *кашпо*, *кафе*, *пальто*, первая группа так и не освоилась русским языком графически, вторая – грамматически, видимо, по причине неприятия образованным обществом их гибридного облика в случае полного освоения.

Привлечение особого внимания к такого рода новообразованиям тоже косвенно свидетельствует о возможном их восприятии в качестве игровых единиц, как, например, в следующем отрывке, где слово обыгрывается в широком контексте.

Приказчик (читает). «О ты, которого глупым и варварским именем Клементия доныне бесчестили, из особливой моей к тебе милости, за то, что ты большую часть крестьян одел по-французски, жалую тебя Клеманом».

Приказчик на этом слове смотрит на всех, а мужики кланяются <...>.

Приказчик (продолжает читать). И впредь повелеваю всем не оф... ан!.. си... ро... вать» (перестает читать) Не офансировать. Это, кажется не чин, однако я не разумею. (Читает) Не офансировать тебя словом Клементия, а называть Клеманом». (Спесиво смотрит на всех). А называть Клеманом! Слышите ли? (Я. Княжнин. Несчастье от кареты)

В целом же, говоря об ассоциативной интеграции, отметим, что этот принцип, дающий в современной лингвокреативной деятельности огромное количество образований, для XVIII века не является, судя по проанализированным источникам, частотным. Гибридных слов вроде современных *мужхитёр*, *секрецарь*, *вмерупринятие*, которые очень распространены в совре-

менном лингвокреативном пространстве, в собранном материале не обнаружено.

В некоторых случаях привлечение иноязычного слова демонстрирует такой игровой принцип, как ассоциативное отождествление, поскольку существующее сходство между русской и французской языковой единицей способствует порождению каламбура, как, например, в стихотворении А. В. Сумарокова «Шалунья», героиня которого, обожая французский язык, не знала его, а потому неумело использовала фразу *faire une cure* (лечиться):

Сказала между тем: «Я еду делать кур».

Сказали дурище, внимая то, соседки:

«Какой плетёшь ты вздор! кур делают наседки!»

Как уже было сказано выше, «уроки французского» для русской литературы столетия предполагали появление каламбурных высказываний, и они, конечно же, закономерно появляются в сатирических журналах столетия. Интересную разновидность ассоциативного наложения обнаруживается в следующих объявлениях журналов:

Судья некоторого приказа покривил весы правосудия; он в том не виноват; а виноват подрядчик, который на судейскую сторону так много положил кулей с мукою, что правосудие против такой тяжести устоять не могло; желающие те весы починкою исправить из своих материалов могут явиться в том приказе.

В данном тексте наблюдается наложение омонимичных планов восприятия слова *весы* и фразеологизма *весы правосудия* при одновременной актуализации их значений. Имплицитно выраженная мысль о продажности правосудия и всего, что с ним связано, реализуется в журнале «Живописец» в целой серии объявлений и новостей, связанных с манифестацией этого вывода, например:

Некоторому судье потребно самой свежей и чистой совести до несколько фунтов; желающие в поставке оной подрядиться, а у него купить старую его от челобитческого виноградного и хлебного нектара перегоревшую совесть, которая, как он уверяет, весьма способна к отысканию желаемого всеми философического камня, могут явиться в собственном его доме.

Конструктивный принцип ассоциативной провокации является одним из тех, которые нечасто используются в XVIII столетии для образования игровых единиц. Обычно их создание связано с парадоксальным распространением устойчивых фраз: *Трофим. Помилуй, я милости твоей челом бью овцой* (Я. Княжнин. Несчастье от кареты). В «Письмах Эрнеста и Доравры» Ф. А. Эмина обнаруживаем парадоксальное столкновение на уровне гипогиперонимических связей: *Ежели французов можно назвать людьми, то я совсем не знаю: что есть человек <...> До сих пор я всё ещё вижу французов; но когда сыщу человека, то о том тебя, любезная Доравра, уведомить не премину.* Слова *француз* и *человек* употребляются в данном случае как антонимы, поскольку нравы Франции вызывают у автора писем культурный шок.

Кроме того, в пьесе Е. Р. Дашковой «Тоисиоков» встречается особый случай языковой игры, связанный с использованием парадоксальной для ситуации речевой стратегии. Властная госпожа Решимова, во время рассуждений о жизни которой несколько раз некстати появляется камердинер Лафлер, в конце концов не выдерживает и говорит господину Тоисиокову: *Не велит он тебе со мною сидеть, что ли? Так попроси у него на то дозволения.* Здесь парадоксальность ситуации создаётся за счёт ожидания выражения неудовольствия или категорического приказа не мешать беседе, но героиня демонстрирует, по крайней мере на вербальном уровне, просьбу, что совершенно не увязывается ни с правилами этикета, ни с характером решительной дамы.

Таким образом, сатирические тексты XVIII века демонстрируют использование практически всех конструктивных принципов языковой игры, но есть и некоторая специфика в сравнении с современным русским языком. Эта специфика проявляется, во-первых, в предпочтениях того или иного принципа, а во-вторых, в специфике отбора материала для образования игровых единиц: так, например, распространённые в современном русском языке гибридные слова, созданные по принципу ассоциативной интеграции, в исследованном материале отсутствуют, а наиболее распространёнными оказались имитация и ассоциативная выводимость, причём имитация часто отражает специфику фонетической стороны речи персонажа.

Богатый и разнообразный материал художественной, мему-

арной, литературы XVIII столетия может дать немало интересных примеров языковой игры, именно в это время обозначались тенденции, которые впоследствии проявились во всей полноте в современном русском языке.

Русский язык XVIII в. обычно характеризуют как время сложения общенациональных норм, формирование и развитие русского языка нового типа. Как убедительно свидетельствует материал использованных для анализа текстов, эти слова в полной мере могут быть отнесены и к развитию лингвокреативной деятельности носителей русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры). Дис. на соиск. уч. степ. докт. филол наук. – М., 1996.

Гридина Т. А. Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2006. №4.

Лингвистика креатива-1: Коллективная моногр. /Под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург, 2013.

Лингвистика креатива: Коллективная моногр. / Под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012.

Лингвистика креатива- 3: Коллективная моногр. / Под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2014.

Рут М. Э., Иванова Е. Н. Языковая игра в дискурсе языковой личности XVIII-XIX вв. – Лингвистика креатива / Отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2009.

Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. – СПб., 1889.

©Щербакова Н. Н., 2018